

когда за внешним высказыванием скрываются многочисленные «фиги в кармане» (Л. Леонов) и считаются дополнительные скрытые смыслы. Позиция Зоценко, презревшего инстинкт самосохранения, была озвучена героем, рассказавшим притчу о так называемой тайной свободе: «Он сказал, что в румынском языке есть похожая идиома — <...> буквально „подземный смех“. Дело в том, что в средние века на Румынию часто нападали всякие кочевники, и поэтому их крестьяне строили огромные землянки, <...> сгоняли свой скот, как только на горизонте поднималось облако пыли. Сами они прятались там же <...>. Крестьяне, естественно, вели себя под землей очень тихо, и только иногда, когда их уж совсем переполняла радость от того, что они так ловко всех обманули, они, зажимая рот рукой, тихо-тихо хохотали. Так вот, тайная свобода, <...> — это когда ты сидишь между вонючих козлов и баранов и, тыча пальцем вверх, тихо-тихо хихикаешь. Знаете, это было настолько точное описание ситуации, что я в тот же вечер перестал быть русским интеллигентом. Хохотать под землей — это не для меня. Свобода не бывает тайной».⁶¹

Подобная художественная репрезентация историко-литературных фактов «воссоздает принципиально новый уровень действительности, который отличается от нее резким увеличением свободы. Свобода привносится в те сферы, которые в реальности ею не располагают».⁶² Обращение Пелевина к идеям и судьбам писателей начала XX века создает картину активного диалога, делая их актуальной частью современного литературного процесса.

Таким образом, блоковский контекст задал направление формирования творческой индивидуальности Зоценко. Особое влияние оказала поэма «Двенадцать», балаганно-сказовый строй которой стал камертоном его стиля. К этой поэме генетически восходит рассмотренный рассказ «Дрова», чей фарсово-пародийный жанр определяет слияние медийной шаблонности с экспрессивным косноязычием повествователей. Эпиграф рассказа вступает в отношения дополнительности с основным повествованием, помогая воссоздать запретные в раннесоветское время факты из жизни поэтов Серебряного века, а также обозначает жизнетворческие стратегии автора. В рассмотренном рассказе через символику жанровых форм ставятся этические проблемы, связанные с дальнейшей эволюцией зоценковского героя, которые будут носить экзистенциальный характер и для самого писателя.

⁶¹ Там же.

⁶² Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 235.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-119-127

© А. М. ГРАЧЕВА

А. А. БЛОК В НЕИЗДАННОЙ КНИГЕ А. М. РЕМИЗОВА «С. П. Р<ЕМИЗОВА>-Д<ОВГЕЛЛО>»

13 мая 1943 года в жизни А. М. Ремизова произошло событие глобального масштаба: скончалась его жена — Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (далее — С. П.). Она являлась центром личного «универсума» Ремизова: его любовью, музой, ближайшим другом и помощницей. С начала 1900-х годов С. П. была для писателя тем единственным человеком, кто понимал и принимал его полностью, без многоликих «масок» организатора и участника

бесконечных ситуационных «игр», неоднократно использовавшихся Ремизовым как способ выживания в окружающем мире, а также ради самоутверждения в литературном сообществе эпохи Серебряного века и времени Первой волны русской эмиграции. Только с ней он мог откровенно делиться и личными горестями, и творческими планами. С 1940 года хроническая болезнь печени, которой страдала С. П., быстро прогрессировала. На Ремизова легли тяжести ухода за больной и организация их быта в оккупированном немцами Париже. Вследствие этого писатель прекратил на время заниматься литературным трудом. Лишь после смерти С. П. он смог вернуться к профессиональной деятельности, которая явилась для него способом «возвращения» самого себя. В этот момент литературная работа приобрела для Ремизова не только собственно творческое, но и психотерапевтическое значение. Первостепенной целью жизни писателя без С. П. стало «воскрешение» образа любимого человека в мире его произведений. В июне 1943 года Ремизов начал книгу о последнем этапе земного существования С. П. — «Сквозь огонь скорбей». В том же году он обратился к созданию «интермедии» «Очарование» (окончательное название «Мышкина дудочка») — рассказу о жизни С. П., а также соседей и знакомых семьи Ремизовых в оккупированном Париже 1940–1943 годов.¹ Параллельно литератор возобновил ведение дневниковых записей. Новая оригинальная форма его «Дневника мыслей» соединила в себе ежедневные заметки о реальных делах, творческих планах и посетителях квартиры писателя с регулярной фиксацией сюжетов снов, неизменным деятельным «героem» которых была его жена.²

С первых лет брака С. П. очень серьезно относилась к вопросам о неприкосновенности собственного «личного пространства», о своей независимости, о самореализации. В 1909 году она писала Вяч. Иванову: «У меня натура активная, и силы есть, а на земле я существую только как жена Алексея Михайловича, прямо говоря. <...> Я бы могла жить совсем вне земли, но меня к земле привязывает А<лексей> М<ихайлович>, поэтому я на земле же должна найти дело для себя, свое собственное, как у А<лексея> М<ихайловича> есть свое собственное, это и для него будет лучше, я тогда стану сильнее. <...> Быть материалом для произведений даже А<лексея> М<ихайловича> я не согласна, потому что я знаю, что я не материал. <...> Я бы согласилась жить еще хуже материально, чем мы теперь живем, только иметь бы свое место. <...> будут свои собственные интересы и своя отдельная жизнь».³ Как известно, С. П. сумела профессионально реализовать себя: она преподавала русский язык и литературу в петербургских частных гимназиях, затем стала ученым-специалистом по русской палеографии, читала курс лекций по этому предмету в парижской «Школе восточных языков». У супругов Ремизовых было «свое пространство» и в прямом смысле этого слова. Несмотря на стесненные материальные условия, каждый из них имел свою комнату, где находились его бумаги и книги. Не совпадал полностью и круг знакомых и корреспондентов супругов.

Уникальность ситуации после 13 мая 1943 года состояла в том, что после смерти жены впервые в полном распоряжении Ремизова оказался *весь* ее архив. Он включал в себя деловые документы, как ее, так и семьи; письма С. П. и к ней; ее дневники, записные книжки, отдельные, сжатые по объему записи мемуарного характера. Последние велись во многом по просьбе самого Реми-

¹ См.: Грачева А. М., Обатнина Е. Р. Комментарии // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2019. Т. 15. В розовом блеске. С. 717.

² Ремизов А. М. Дневник мыслей. 1943–1957 гг. СПб., 2013. Т. 1 / Отв. ред. А. М. Грачева.

³ Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, прим. и подг. писем А. Ремизова — А. М. Грачевой; подг. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 80–81.

зова, который с середины 1900-х годов и в дальнейшем использовал некоторые из них в качестве «первоисточников» своих произведений. С текстов-воспоминаний С. П. началась многолетняя ремизовская работа над книгой о ее жизни — романом-эпопеей «Оля». Первые составляющие его рассказы были созданы писателем еще в конце 1900-х годов. А прижизненная неполная публикация эпопеи в целом, вышедшая под названием «В розовом блеске», состоялась в 1952 году.⁴ Ряд древнерусских и западноевропейских исторических документов, над которыми С. П. работала как ученый-палеограф, выполненные ею их переводы и толкования были использованы Ремизовым в книге «Россия в письменах».⁵ Наконец, произведением, в значительной степени связанным с дневниковыми записями С. П., явился ремизовский роман о времени Второй русской революции — «Взвихренная Русь» (Париж, 1927).

Для Ремизова художественная аккумуляция и осмысление *всех* материалов архива С. П., крайне разнообразных и по хронологии, и по жанровой природе, стали еще одной нравственной и эстетической задачей. Ее решение, так же как и создание произведения «Сквозь огонь скорбей», как ежедневное ведение «Дневника мыслей», имело единую конечную цель — преодоление факта физической смерти С. П. и полномасштабное раскрытие всех граней ее личности в зеркалах творчества Ремизова.

С 1945 года Ремизов стал переписывать разнообразные материалы архива С. П. в однотипные «конторские» книги. В итоге за период с 1945 и по 1947 год включительно им были заполнены девять таких книг, последовательно пронумерованных латинскими цифрами (I–IX). Каждая из них имела на обложке название-аббревиатуру: «С. П. Р.-Д.». Первой книге было предпослано авторское предисловие: *«Торопился переписывать: все боюсь, не успею. Знаю, без меня никто не займется. Понадобится ли вообще кому-нибудь, не уверен: мне такого дара не дано, чтобы имя мое в будущем вызвало внимание и любопытство. Ведь наперечет имена в истории литературы. <...> Так вот кончил переписывать, и стало пусто. <...> А какой короткой оказалась жизнь. Мы жили вместе 40 лет, а ведь как миг прошли эти годы. Да, переписал. Ну, еще что-нибудь подпишу... Вот и все. А. Р.»*⁶

В результате проделанной писателем работы получился уникальный по жанровой форме текст, который можно условно обозначить как коллаж-мемориал под названием «С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>».⁷ Вошедшие в него материалы, в большинстве почерпнутые Ремизовым из архива С. П., принадлежали к разным типам письменных источников (от сугубо деловых документов до художественных текстов). Писатель соединил их в некую сложную структуру, в целом ориентированную на хронологическую канву жизни С. П. Этот головоломный, на первый взгляд, конгломерат, составленный из писем, мемуаров, отрывков из дневников и записных книжек, из текстов научных рефератов и экспертных заключений, был объединен, прежде всего, развитием главной лирической темы — раскрытия граней образа С. П., а также образом повествователя, «толкователя» представленных источников — А. М. Ремизова. Тексты как самой С. П., так и связанных с ней других лиц; а также анонимные деловые бумаги разного рода (таможенные квитанции, свидетельства

⁴ Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952.

⁵ Ремизов А. М. Россия в письменах. М.; Берлин, 1922. Т. 1. Второй том опубликован посмертно: Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2017. Т. 13. Россия в письменах. С. 427–676.

⁶ Ремизов А. М. С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>. <Книга> I. Paris. IV.1945 // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 287. Л. 3. Здесь и далее тексты С. П. набраны прямым шрифтом, тексты, комментарии и дополнения Ремизова в квадратных скобках — курсивом.

⁷ В настоящее время готовится сотрудниками ИРЛИ РАН к публикации в Собрании сочинений А. М. Ремизова.

об образовании, медицинские справки о смерти, похоронные счета etc.) были скреплены между собой подчас весьма обширными комментариями и дополнениями автора-повествователя. В новое произведение были вдобавок включены документальные и художественные произведения малых жанров, созданные самим писателем, такие как, например, лапидарные записи о пути Ремизовых из Петрограда до границы Советской России, рассказы, отрывки из неопубликованных произведений большой формы, принадлежавшие его перу посвящения на книгах и т. д.

Число лиц, появляющихся на страницах книги-мемориала, почти необъятно. Тут родственники, друзья, знакомые С. П. с детских лет и до последних дней ее жизни, а также представители культурного пространства эпохи Серебряного века и времени Первой волны русской эмиграции. Однако если задаться целью составить из множества имен и фамилий персонажей, возникающих на страницах книги «С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>», список лиц, родство, знакомство или встреча с которыми имели особую значимость для С. П., то он будет достаточно кратким. При этом если сделать два виртуальных перечня «вечных спутников» каждого из супругов Ремизовых, то они в целом, что естественно, будут заметно отличаться один от другого. Лишь в немногочисленных случаях эти два мыслимых «круга» совпадут. Это относится, в частности, к имени Александра Блока.

Ремизовы познакомились с поэтом в 1905 году и в дальнейшем встречались с ним и его женой в основном в «общественных» местах (редакция журналов, театрах, литературных салонах и т. д.). Значительное сближение Ремизова с Блоком произошло в 1912 году в процессе работы над реализацией театральных и издательских проектов, связанных с именем М. И. Терещенко и планами финансируемого им издательства «Сирин».⁸ Последний этап реальных тесных взаимоотношений двух писателей пришелся на годы Второй русской революции и был связан с их совместным трудом в ТЕО, а затем в ПТО Наркомпроса. Позднее Ремизов вспоминал: «Редкий вечер не говорили мы с Блоком по телефону. Однажды он мне сказал, что слышит музыку и пробует писать. Я понял, что он в вихре слов, но каких, я не мог себе представить».⁹ 7 августа 1921 года, в день смерти поэта, Ремизов пересек границу Советской России и навсегда покинул страну.

Еще при жизни Блока писатель особо выделял его среди блестящей плеяды поэтов русского Серебряного века. А после своей смерти Блок почти сразу же стал для Ремизова не только умершим великим современником, но и одной из ключевых фигур многоуровневого макрокосма, круги которого, согласно ремизовской мистической концепции, составляли миры божественных существ, духов, элементарей и людей.¹⁰ Для С. П., воспринимавшей поэзию и эмоционально, и профессионально, как филолог-русист, Блок еще в дореволюционные годы был и мыслимым, и реальным воплощением одного из «гениев» классической русской поэзии.

Если обратиться к отражению образа и личности Александра Блока в творчестве Ремизова середины 1940-х годов, то, прежде всего, надо упомянуть созданное к 25-летию смерти поэта эссе «По серебряным нитям: Лития».¹¹ По

⁸ См. подробнее: «Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова / Предисловие, публ. и прим. А. В. Лаврова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 229–248 (Europa Orientalis. Т. 4).

⁹ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 103.

¹⁰ См. подробнее: Грачева А. М. Посмертная жизнь Александра Блока в творчестве Алексея Ремизова // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 2010. С. 84–101.

¹¹ Ремизов А. По серебряным нитям: Лития // Советский патриот (Париж). 1946. 9 авг. № 94. С. 3.

своей природе этот текст не принадлежит к традиционным жанрам юбилейной или мемориальной литературы. Он представляет собой емкое выражение ремизовской мистической «блокологии» — доктрины о двойственной природе Блока как духа, явившего себя в образе человека, а затем возвратившегося в область своего истинного пребывания — в родное ему надземное пространство. Имея в виду эту сферу и сравнивая себя с поэтом, писатель отмечал: «Про себя хочу сказать, я гость в этом чудесном мире <...>. А вот Блок не гость, Блок — изгнанник».¹²

Ремизов работал над эссе «По серебряным нитям: Лития» фактически параллельно с созданием книги «С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>». В состав этого произведения вошли все записи С. П. о Блоке: воспоминания, упоминания его в ее дневниках и снах. Включая эти тексты в книгу, Ремизов сопроводил большинство из них своими комментариями.

Так, в мини-цикл мемуарных текстов С. П. под заглавием «Как я видела кого в последний раз» входит и миниатюра о Блоке, которая добавляет еще один штрих к свидетельствам современников о последних месяцах жизни поэта:

«БЛОК

[Александр Александрович Блок 1880–1921]

Я шла по Невскому и встретила Блока и Иванова-Разумника. Блок соби-
рался в Москву. Я сказала:

„В Москве ужасно“. (Мы были в Москве перед этим).

А он говорит:

„У меня там есть место, ненадолго“.

Он был очень худой и совсем желтый, и очень серьезный. Я не подумала, что не увижу его больше: из Москвы он вернулся [1 мая] и слег».¹³

Кроме этой лапидарной записи С. П. о реальной последней встрече с Блоком, Ремизов внес в создаваемую им книгу и записи ее снов, одним из героев которых был поэт.

Анализируя отражение образа Блока в книге «С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>», надо отметить, что существенное значение во внутренней корреляции лейтмотивов произведения имеет соположение образа поэта с отображением очень близкого для супругов Ремизовых человека — рано умершего писателя Владимира Вальтеровича (Васильевича) Диксона (1900–1929). Друг и помощница Ремизова Н. В. Резникова вспоминала о нем так: «С детства он тянулся ко всему русскому, говорил и писал по-русски, увлекался Блоком. <...> С. П. рассказывала ему о России, о Блоке; замечательно, как она одна умела, читала на память стихи. Диксон стал частым гостем у Ремизовых и сблизился с ними, особенно с С. П., которая приобрела огромное влияние на этого слабого характером, мало мужественного молодого человека. Диксон <...> обоготворял С. П., преклонялся перед нею духовно. <...> Он окружал Ремизовых заботами и вниманием, оказывал многочисленные услуги».¹⁴ Ремизов более реально и прагматично оценивал возникшие дружеские контакты, рассматривая этого поэта, начинавшего писать также и прозу, как своего, во многом еще только потенциального ученика, который также был готов помогать своему учителю в житейских вопросах. Со своей стороны, С. П. воспринимала свои отношения с Диксоном в эмоциональном и символично-

¹² Там же.

¹³ Ремизов А. М. С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>. <Книга> I. Л. 63.

¹⁴ Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове / Подг. текста, вступ. статья, аннот. именной указ. А. М. Грачевой. СПб., 2013. С. 74.

мистическом плане. Молодой человек был очень хорош собой. Он глядел на С. П. снизу вверх. Жена Ремизова видела в подобном отношении к себе некое подобие платонического служения идеального средневекового паладина *La Belle Dame sans Merci*. Когда Диксон скоропостижно умер от аппендицита, то в ее подсознании образ этого рано ушедшего из жизни литератора стал отчасти сопоставляться с образом ее кумира — петербургского певца Прекрасной Дамы, который был также наделен романтической внешностью и тоже безвременно покинул земную юдоль. Приводимый ниже сон С. П. может служить иллюстрацией такого ее субъективного восприятия тайного «избирательного сродства» двух поэтов:

«С БЛОКОМ О ДИКСОНЕ

— сон —

3 VIII 1925

Chartreuse de Neuville

Montreuil^{с/м}

Мы приехали в Петербург и спешим уложить наши вещи, опять ехать в Париж. С нами едет А. А. Блок [1880–1921], он худее, чем был, а лицо розовое. Он нам показывает Петербург: многое изменилось, и много чего иначе называется, напр<имер>, Васильевский остров — „Застравонный <так! — А. Г.> остров“. Мы поднялись на вышку Исакиевского собора, смотрим на Петербург: Нева, огни. И я говорю Блоку:

„Да, Ал<ександр> Ал<ександрович>, я Вам должна сказать, Вас очень любит один, по-настоящему любит. Только он умер недавно. И зачем он умер, не дожил до того дня, что вот я Вам рассказываю“.

У Блока слезы на глазах, так его это тронуло. А я все сокрушаюсь, что он умер.

„Но, — говорю я, — вон звезды нам светят: я думаю, он слышит, что говорю я“. Это Владимир Васильевич Диксон — «Семенцов» [1900–1929]». И обращаюсь к А. М.: „Есть ли его книжка?“

„Да, есть“, — говорит А. М.

Мы спустились с вышки Исакия и видим, идет крестный ход: это Пасха.

Я говорю Блоку: „Возьмите его книгу“.

„Я прочту, — сказал Блок, — и Вам о ней напишу“.

Тогда я говорю: „Еще есть у него приятель, живет в Нью-Йорке, он, наверное, Вас тоже любит: Вл<адимир> Перцев“.¹⁵

Александр Блок был одним из постоянных героев сновидений С. П. Так, например, Ремизов приводит текст ее сна 1920-х годов, относящегося к периоду одного из обострений ее хронической болезни. Страдающая от приступа печени С. П. размышляет о месте упокоения поэта, на чьих похоронах ей с Ремизовым не довелось присутствовать:

«НА КЛАДБИЩЕ И ВНИЗУ

<— сон —>

1926.11.1.

Надо мне пойти после болезни на кладбище. Я и пошла. Хорошо на кладбище. Осень. Под ветром кусты колыхнутся. Вот могила Блока. Какая большая, а на ней неровный пенёк. Пришла я домой: мы живем наверху, а внизу какие-то незнакомые. Нина Николаевна Сеземан сидит на подоконнике. [Н. Н. С<еземан> очень крупная А. Р.]. Я ее тронула пальцем, и она переку-

¹⁵ Ремизов А. М. С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>. <Книга> I. Л. 87 об.

выркнулась и упала. И прямо на кровать. Я очень испугалась. А говорят, „ничего, не разбилась“. И несут ее к нам наверх.

„Нужно пойти мне вниз, думаю, пока несут. А то неловко“.

И пошла. А внизу живут какие-то, и среди них К. (я ее вспоминаю из ранней молодости, она была не как следует, а „выпирала“).

„А у Вас не все дома сидят, кому следует“, — говорит она.

„И у Вас тоже, — повторяю ее слова, — не все дома сидят, кому следует“. А сама думаю: „Кто же это «не сидит»?“ — „А вот, знаете, — говорю, — что у нас случилось?“ И хочу рассказать, как упала Нина Николаевна.

Я очень больна. Доктор Васильев стоит надо мною, лицо у него озабочено. А в воздухе мелькает Мухина записная книжка со стихами и изречениями, такая пестрая в цветочках.¹⁶

В ежедневных заметках С. П. имя Блока упоминается гораздо реже, чем в сделанных ею записях снов. Цитируемые в книге дневники С. П. сопровождаются подчас развернутыми комментариями Ремизова. Примечательно, что в последних он дает нелицеприятную, подчас даже жесткую оценку людям и событиям прошлого, не обращая к их камуфляжу пассажиерским или мистическим флером. В этом плане крайне существенны его комментарии к дневниковой записи С. П., в которых писатель дает оценку поэме Блока «Двенадцать»:

«25 XI / 8 XII 1918

Хоть бы пришел к нам сегодня Николай Ал<ександрович> [*Шапошников*!] Очень я тоскую теперь по вечерам и есть только три человека, в которых я совершенно верю, что они не поклонятся „Тельцу“ и не примут „антихристовой печати“: Н. А. Шапошников, Ив<ан> Ал<ександрович> Рязановский, Анна Митр<офановна> Аничкова, есть и еще, я знаю, но я-то их не знаю.

По Апокалипсису выходит, что не примут „антихристовой печати“ 24 тысячи, и это во всем мире, а сколько же, значит, приходится на наш несчастный Петербург?

Не понимаю близорукости тех людей, которые не видят антихристового начала в происходящем.

Н. А. Шапошников очень рассудочный человек, математик [*инженер-металлург*], все раскладывает — анализирует, есть в нем твердость настоящая до жестокости, это хорошо, и вдруг какая-то размягченность: философ!

Как страшно, что теперешнее не любит креста, это даже не замаскированный антихрист, а откровенный. Я люблю тех, кто без креста не может и носит крест всегда, бескрестные мне чужды.

Наша революция и вышла такая ужасная и такая пошлая, потому что два идейных начала в ее основе: атеизм и декадентство, — а непосредственная причина: война, голод и русская лень.

З<инаиду> Н<иколаевну> Гиппиус я люблю, только не уверена в ней до конца, она ведь тоже декадентка, как Блок, и не хочет правды сказать до конца, не хочет назвать по имени своих собственных ошибок.

У нас сегодня есть хлеб, моя дорогая Людмилочка [*Л. Д. Бурлюк-Кузнецова*] мне прислала — спасибо ей.

[*Блок получил громкое имя в революцию не за свою лирику, а за „12“, вещь очень слабую, ответственную, от которой он впоследствии отрекался, как от какого-то похабного произведения. Ему было неловко, когда напоминали*

¹⁶ Там же. Л. 98.

ему о 12^а. В самом деле, описание безобразий, которые называются „революцией“, да еще с сентиментальным <так! — А. Г.> заключением о Христе. Помню, я рисовал эти „безобразия“ и сделал целый альбом, но Блоку не удалось показать, да, пожалуй, так и лучше. А в этом 12^а и сказало „декадентство“: все вали в одну кучу, и попал Христос для поэтического контрасту. Андрей Белый тоже что-то вопиял тогда „Христос воскрес“. Для верующего человека все эти произведения были, конечно, кощунством.

С. П. любила Блока, очень ей было тяжело, и только потом изгладилось, и Блок опять стал для нее Блоком.

Н. А. Шапошников, появившийся у нас в ту пору, писал стихи, только очень специальные: хотел в словах-звуках выразить работу сложнейших машин, — специалист по металлургии. Словарь у него был бедный, а я из своей памяти и из Даля набрал ему немало всяких звучных, он воспользовался, но когда на одном из вечеров в „Доме искусств“ он попробовал читать свои стихи и кое-что произнес, но скоро сам законфузился и смял: для выражения напора, напр<имер>, было сказано „с пёрдом“, что очень верно передавало звук, но были слова и покрепче.

Он увлекался электрификацией и впоследствии занял какое-то большое место. Между прочим, это уже в 20-м году, когда обжились, и затеяно было на Пасху кулич самим делать, он в тесто ставил градусник, — тесто не подымалось. А. Р.]».¹⁷

Подобное резкое суждение Ремизова о поэме «Двенадцать» контрастирует с его же отзывами, высказанными как до, так и после появления этого хлесткого комментария.

В ранних текстах о Блоке писатель связывал появление поэмы «Двенадцать» с мистическим даром поэта слышать «музыку сфер», даже если это была какофония «музыки революции». Так, в книге «Ахру» (1921) Ремизов писал: «...недаром выпала вам на долю вихревая песня взбаламученной вздыбившейся России <...> в 1918 году <...> говорили мы с Блоком по телефону — <...> и Блок сказал мне, что над всеми событиями, над всем ужасом слышит он — музыку, и писать пробовал. А это он „Двенадцать“ писал».¹⁸

Сравним эту оценку с поздней записью Ремизова 1956 года, сделанной им для книги о самом себе — «Лицо писателя»: «Когда я прочитал „12“, меня поразила словесная материя — музыка уличных слов и выражений. <...> Какая выпала Блоку удача — по-другому передать улицу я не представляю возможности. Тут Блок оказался на высоте словесного выражения. <...> Христос в „12“ попал не к месту, чего-то неловко, когда читаешь. Христос нарушил строй слов — музыку. И если необходимо возглавить „революционный шаг“ — не Христос, а Никола — это он в „пламенной одежде муж избранный ведет своих горемычных“».¹⁹ В этом суждении выражено признание высоких художественных достоинств блоковского произведения. Однако и тут Ремизов не отказался от своего неприятия христоцентристской концепции поэмы, считая, что для русского народа первостепенным небесным покровителем является св. Николай Угодник.

В книге «Лицо писателя» Ремизов оценивал творчество Блока и, в частности, его поэму «Двенадцать» как историк литературы, в контексте выстраиваемой им концепции истории русской словесности. В другом произведении того же периода — «Петербургский буерак», так и оставшемся неизданным

¹⁷ Ремизов А. М. С. П. Р <емизова>-Д <овгелло>. Кн <ига> V // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 291. Л. 39–40.

¹⁸ Ремизов А. М. Ахру // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. Ахру. С. 10, 14.

¹⁹ Ремизов А. М. Лицо писателя // Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы). СПб., 2010. С. 364.

при жизни писателя, он задался целью полномасштабно обозначить контуры своей универсальной философско-мистической концепции. В связи с этой задачей Ремизов включил в состав «Петербургского буерака» как единый раздел все те свои эссе о Блоке, в которых образ поэта трактовался как образ пришельца-изгнанника из горнего мира.²⁰ Создание поэмы «Двенадцать» интерпретировалось как проявление блоковской способности слышать не воспринимаемую людьми «музыку сфер».

И только в книге «С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>» Ремизов высказал негативное отношение к поэме «Двенадцать» как к произведению писателя-«декадента». В своем комментарии литератор солидаризировался с пониманием «декадентства», уже присутствующим в тексте С. П. В данном случае оба супруга говорили о «декадентстве» в расширительном истолковании этого термина, как об одной из форм проявления духовного упадка (фр. *decadence*), нравственной «болезни», которой был поражен мир, в том числе и Россия, на рубеже XIX–XX веков. В своей трактовке «декадентства» Ремизовы следовали за толкованием этого понятия в книге «Вырождение» (1892) врача и писателя Макса Нордау. Он писал: «Мы видели проявления вырождения и истерии в литературе, искусстве и современной философии, во всем их разнообразии. Главные симптомы душевной ненормальности были отмечены нами: мистицизм <...>, эготизм <...>, лже-реализм, исходящий из смутных эстетических теорий, проникнутый пессимизмом и непреодолимым стремлением к грязи, сказывающимся в наборе нецензурных слов. Во всех трех случаях мы находим в конечном результате одни и те же симптомы: мозг, непригодный к правильной работе, неспособность к сосредоточенному наблюдению, слабую волю, преобладание эмоций, недостаток познания, отсутствие сострадания, отчужденность от мира и человечества, недоразвившееся понятие о долге и нравственности».²¹ В книге-мемориале «С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>» Ремизов, используя толкование понятия декадентство Максом Нордау, напрямую высказал свое личное мнение о пагубности явленного в произведениях некоторых писателей (А. Блока, Андрея Белого) мистически-восторженного приятия революции, которая в реальности, с его точки зрения, стала для России катастрофой.

В итоге можно сделать ряд выводов об основных формах репрезентации образа Александра Блока в книге «С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>». Ремизов включил в свое повествование немногочисленные документальные свидетельства о личных контактах С. П. и Блока. Также в книге нашло отражение «бытие» поэта в мире ее снов. Выступая в роли комментатора текстов С. П., пишущего *sine ira et studio*, Ремизов, однако, сумел напрямую выразить в этом произведении свою позицию относительно целого ряда волновавших его проблем новейшей русской истории и культуры. Его неожиданно резкое суждение о поэме Блока «Двенадцать» должно быть поставлено в один ряд с высказанными в этой же книге другими подобными умозаключениями писателя. Ремизов стремился подвести некоторые итоги своим размышлениям о сути русской революции и об отношении к разнообразным породившим ее силам. В то же время комментарии и дополнения писателя к текстам С. П. подтверждают константное восприятие им Александра Блока как величайшего русского поэта начала XX века и также неизменное видение в нем одного из обитателей высших кругов своего мистического универсума.

²⁰ См.: Ремизов А. М. Петербургский буерак // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак. С. 323–338.

²¹ Нордау М. Вырождение / Пер. В. Генкена. Киев, 1894. С. 420–421.